

Качество: искренность

ПРОГУЛКА ПО ВСЕЛЕННОЙ

Елена Дубровская

Родион и Миша стояли в классе перед Виолеттой Ивановной, преподавателем биологии и классным руководителем 7 «Б», в котором учился Родион. Уроки давно закончились и в кабинете кроме них никого не было. На столе лежал порванный портфель, а в глазах учительницы читалась усталость от постоянно повторяющихся ситуаций.

– Родион, ну скажи, пожалуйста, почему ты так себя ведёшь. Я же не могу твоих родителей поселить в школе. Что тебе Миша сделал?

– Да, ничего. Я даже не знал, что это его портфель. Я вообще его не знаю, – Родион выглядел расстроенным, только позавчера родителей вызывали в школу, а сегодня опять. Могут лишить телефона, надо сейчас решить вопрос. – Я случайно его задел ногой, а кто-то в столовой стул на портфель поставил. Он его дёрнул, и ножка его порвала.

– Нельзя о присутствующих говорить в третьем лице.

– Хорошо. Миша дёрнул, – Родион сказал это на выдохе, словно делая одолжение.

Миша, в отличие от Родиона, выглядел совершенно спокойно и не был расстроен своим порванным имуществом. Они стояли перед Виолеттой Ивановной такие разные, словно из двух миров. Родион – современный, нагловатый и уверенный в себе, долговязый, четырнадцатилетний подросток. И Миша – конопатый, с доброй улыбкой, маленького роста пятиклашка, словно сошедший с кадров советского кино.

Виолетта Ивановна тяжело вздохнула.

– Родион, давай сделаем так. Ты должен начать сам отвечать за свои поступки. Если хочешь, чтобы я, в какой уже раз, не вызывала твоих родителей...

Родион даже вздрогнул, от возможности избежать очередного наказания и перебил классного руководителя: «Да, хочу. Я отвечу, не надо родителей».

– Подожди, не торопись. Если хочешь решить вопрос без родителей, то пойдёшь к Мише домой и извинишься перед его мамой, которой это зашивать или покупать новый, – учительница вдруг ненадолго замолчала, словно обдумывая что-то, а потом внимательно

посмотрел на Родиона. – Ты же всё понимаешь, совсем не глупый. Неужели так сложно себя контролировать?!

Всю дорогу мальчики шли молча. Родион постоянно смотрел в телефон, а Миша украдкой разглядывал Родиона и думал, что он так не может, чтобы на дорогу не смотреть и не упасть. Идти было совсем не далеко, Миша жил рядом со школой, в большом многоэтажном доме, на первом этаже.

Но тут, как гром, как тайфун, как цунами, случилось событие, которое полностью изменило всё: дверь открыла Василиса. Целый год Родион пытался с ней познакомиться, но безуспешно. Несмотря на то, что он был очень видным парнем в школе и нравился девочкам, кстати не только из их класса, заговорить именно с ней ему так и не удалось. Он узнал, что её зовут Василиса, и она учится в параллельном классе, занимается народными танцами, и что подружиться, да что там подружиться, даже заговорить с ней нет никакой возможности. Ромка Борин из их класса как-то подошёл к ней и говорит: «Пойдём в кино», а она посмотрела на него с какой-то жалостью и самым вежливым образом ответила: «Рома, мне так жаль, но я вынуждена тебе отказать. У меня нет ни малейшей возможности тратить драгоценное время на развлечения». И всё! Что тут скажешь на такой безупречный ответ?

Поэтому трудно представить, что чувствовал Родион, когда Василиса сама открыла ему дверь. Она была явно взволнована:

– Миша! Ты почему так долго?! Ты сегодня Полинку отводишь.

Из комнаты выбежала маленькая девочка, судя по всему Полина, и повисла на шее Миши, снимающего обувь.

– Миша-а-а-а! Отведёшь меня на музыку? – а потом, как закричит: – Таня! Миша из школы с мальчиком пришёл!

Вдруг из комнаты выбежали два совершенно одинаковых мальчика, на вид которым было по четыре года, и потащили их в комнату. В довершении всего, из кухни появилась девушка лет семнадцати и с каким-то задором, радостно обратилась к ребятам:

– Мальчики, раздевайтесь, мойте руки и сейчас будем есть домашние вареники с картошкой. Мы с Василисой целую кучу налепили. Всем мыть руки и – за стол!

Через пять минут все собрались в гостиной за длинным столом. Татьяна – самая старшая сестра раскладывала по тарелкам вареники и произносила имя берущего.

– Первая тарелка всегда для гостя. Как тебя зовут?

– Родион.

– Держи Родион. Стёпа, Сёма, аккуратно тарелки берите. Завтра в садик пойдёте, симулянты. Полина, Миша, ешьте и – на музыку. Василиса, пойдёшь в музей, маме отнеси.

– Хорошо.

Василиса взяла тарелку и начала из стоящих на столе укропа и порезанных колечками огурцов и помидорок поверх вареников делать лицо смешного человечка. Родион незаметно улыбнулся и посмотрел на Мишу, но увидел, что тот делает тоже самое, как и все остальные. Не замечая пристально удивлённого взгляда Родиона, они смотрели на полученных человечков друг друга, смеялись, сравнивали, опять смеялись. А Таня, словно между прочим, кивнула Родиону на тарелку с овощами, из которых собирались смешные человечки, словно приглашая делать вместе с ними. Родион вымученно улыбнулся, но так и сидел, чувствуя себя неудобно и неуместно.

Все уже пили чай, когда Таня спросила.

– Родион, ты к нам в гости пришёл: что-то случилось в школе у Миши?

– Нет, это у меня случилось. Я случайно порвал его портфель.

– Ну раз случайно, то нечего беспокоиться. Пей чай. Мы гостям всегда рады.

– Я обещал классной, что лично извинюсь перед Мишиной мамой.

– Ну если лично, тогда пойдёшь с Василисой. Она у нас всё свободное время с мамой в музее проводит. Василиса про Ивана Петровича Павлова больше любого его биографа знает.

Родион пытался не выдать радость от того, что сможет погулять с Василисой, а Татьяна сделала вид, что не заметила его тайное ликование.

– А он кто? – Родион задал вопрос, засунув в рот конфету, и сразу понял, что надо было сделать вид, что он знает кто это, а потом просто посмотреть в интернете, но было поздно. Василиса смотрела на него уничтожающим взглядом.

Татьяна же никак не отреагировала, а просто начала объяснять:

– Это большой ученый, физиолог. Он родился здесь, в Рязани. Первый нобелевский лауреат. Наша мама работает в его доме-музее. Василиса тоже решила посвятить свою жизнь изучению высшей нервной деятельности человека. Сестра! Прекрати так смотреть на Родиона.

Ты же работаешь над собой. Вот. Будь снисходительна. Уверена, что ты тоже многого не знаешь, что знает Родион.

Через десять минут они уже вместе шли в дом музей имени Ивана Петровича Павлова.

– Но почему Павлов?

– Потому что он понимал, что человек – единое целое, и мы все – одно целое. И наука, и искусство, и всё, что вокруг нас, и человек – единый организм. Одна вселенная.

Родион перебрал сотни вопросов, чтобы как-то подхватить тему, но потом решил спросить то, что действительно хотел спросить.

– Вас шестеро детей?

– Семеро. Ещё Вадим, он на СВО сейчас.

– А папа?

– А папа – старший инженер на оборонном заводе. Сейчас работы много, только ночевать приходит. Мы утром просыпаемся, а он уже на работе. А у тебя есть братья и сестры?

– Нет. Даже не знаю, как это. Первый раз сейчас увидел, как это бывает, когда дома так шумно и весело. У меня дома тишина. Всегда тихо.

– Приходи к нам почаще, веселье гарантировано.

Они шли, говорили, смеялись, а вместе с ними смеялась пышная весна. Родион даже подумал, что впервые в жизни он так откровенен, причём с человеком, которого ещё вчера не знал.

Это ощущение таких совершенно новых эмоций даже немного испугало Родиона. Уже поздно вечером, дома, вспоминая, как они разговаривали, как в доме-музее Павлова пили вместе чай из самовара с её мамой, а потом с малышкой играли в городки, Родион для себя решил, что больше к ним не пойдёт, он не слабак какой-то и в мимимишные истории не играет.

На следующий день он сидел за обеденным столом в семье Василисы и делал из своего пюре улыбающуюся планету. С двух сторон сидели Сёма и Стёпа, и, с интересом заглядывая в его тарелку, по очереди задавали вопросы.

– Как её зовут?

– Венера.

– Кто тебе сказал?

- Люди так называли эту планету.
- А откуда они знают? Она же далеко.
- Не знаю. Наверное, просто сами так придумали.
- А как её зовут по-настоящему?

Василиса сидела напротив и смотрела на обескураженного Родиона. Он сейчас не казался ей таким уж самоуверенным и циничным. Словно всё, чем он себя окружил, спало, и перед ней появился настоящий Родион.

– Так, не приставайте к Родиону и ешьте своих зайцев, – она кивнула на их пюре, преобразенное в двух одинаковых зайцев. – На Земле её зовут Венера. А как по-настоящему, Родион не знает, и никто здесь не знает. Выучите пока, как планеты называют на Земле.

- А потом узнаем?

Василиса посмотрела на Полину, чтобы ответить, но не успела, потому что Стёпа взял инициативу на себя, при этом активно жестикулируя:

- Как ты не понимаешь! Потом мы будем летать на все планеты и там спросим, как их зовут.
- А зачем мы будем на них летать? – не унимался Сёма.
- Мы там по ним гулять будем. В игры там разные играть.

Родион смотрел на улыбающуюся Василису и понимал, что ему нравится эта девочка, нравится её огромная семья, их уютная разноцветная квартира, эти фигурки из еды и бесконечные разговоры за большим столом

Все за столом смеялись, говорили, вслух читали письма брата с фронта, ели своих чудиков на тарелках и смотрели друг на друга с любовью. Родион понимал, что так должно выглядеть семейное счастье.

Потом он опять провожал Василису в музей, играл с первоклашками в городки, а дома в тихой квартире, где даже родители говорят вполголоса, решал про себя, что больше туда не пойдёт. Но снова оказывался в гостях, потому что Полине нужно было срочно помочь разучить этюд, а в большой семье никто не обладал знанием нотной грамоты, кроме неё. Родион же, как и полагается единственному сыну, прошёл всё: уроки музыки, английский, дзюдо, плавание и, естественно, программирование. Весь набор сегодняшнего подростка, особенно если он один у любящих родителей.

Однажды вечером Татьяна позвонила маме Родиона.

– Простите, что беспокою. Родион у нас в гостях, они с мелкими астрономию постигали и уснули. Может, вы разрешите ему остаться на ночь. Завтра же воскресенье, в школу не надо. А утром я всех завтраком накормлю, и домой его отправлю.

– Что?! Вы кому звоните?

– Прошу прощения, вы же мама Родиона?

– Да. У кого в гостях? Какой астрономией?! Девушка, позовите, пожалуйста, Родиона. Я ему звоню, а у него отключён телефон.

– Да, конечно. Прошу прощения.

– Хотя подождите, вы можете дать адрес, я сама зайду за ним.

Через пятнадцать минут мама и сын шли по вечернему городу.

– Всё же хорошо? Я не в плохой компании, не пью, не курю, какие сейчас проблемы? Зачем было так разговаривать?

– Прости, просто ты не рассказывал куда ходишь, мы переживали.

– Теперь не надо переживать, ты всё видела.

– Подожди сын, но что ты там делаешь? Нянчишься с маленькими детьми? Сколько у них детей? Почему ты нам не рассказал, что у тебя новые интересы... Даже не знаю, как это назвать.

– Никак не надо называть. Вас, кроме своего бизнеса и меня «расчудесного», что-нибудь ещё интересует?

– А что ещё нас должно интересовать? Радуйся, что для твоих родителей семья – главное.

– Была бы семья, – Родион усмехнулся и пошёл быстрее, словно говоря, что больше разговаривать не о чем.

Заканчивался май, а значит, и учебный год. Ученики бегали за учителями по школе, пытаюсь исправить то, что нужно было исправить давно. Учителя закрывали отчёты, заполняли бланки и журналы. Переход на электронные дневники для Виолетты Ивановны был очень мучительным. Давно работающая, хотя и на пенсии, учителем биологии, она и не

представляла, что в свои шестьдесят восемь лет ей придётся активно осваивать кучу компьютерных программ. Время говорило, что просто быть педагогом сегодня мало, ещё нужно справляться с вызовом технологического мира.

Виолетта Ивановна сидела и небыстро заполняла электронный журнал, а Роман с Родионом делали вид, что вытирают доску, а сами только и ждали момента, когда пожилая женщина откроет журнал их класса.

В ту самую минуту Родион подскочил к учительнице.

– Виолетта Ивановна, можно Вас попросить мне помочь? Вы сегодня дали нам задачу написать презентацию о выдающихся биологах. Мне очень нужно с Вами поговорить.

– Так говори.

– Это очень личный разговор. Можно Вас на минуточку?

Виолетта Ивановна встала со стула и подошла к Родиону, который половиной доски закрыл их от учительского стола, за которым уже орудовал Рома, исправляя оценки в электронном журнале.

– Что ты хотел спросить?

– Я хожу в дом-музей Павлова.

– Правда? Это прекрасно, но чем я могу помочь?

– Этот человек произвёл на меня такое сильное впечатление своим умом, работой! Вы знаете, что даже из Нью-Йорка приезжала делегация, чтобы только взять горсть земли с тех мест, где родился и жил Павлов?

– Я очень рада, что тебя интересует жизнь этого ученого. Что же ты хочешь?

– Просто я хочу писать о нём работу, но музей занимает всё мое время. Вы могли бы моей маме позвонить и сказать, что я пишу о Павлове работу?

– Конечно могу. Обязательно поговорю с ней. Не беспокойся. Сегодня вечером позвоню.

– Вам телефон мамин дать.

– Нет, в журнале есть. Я очень рада, что твои интересы так стремительно меняются в лучшую сторону. Очень рада, – и тут Родион увидел, что Роман делает ему знаки, что всё сделано, заканчивай разговор.

– Ладно, спасибо. Мы тогда пойдём.

– Да-да, конечно. Идите мальчики. Спасибо, что помогли с доской. А мне ещё тут сидеть, разбираться с этими программами. Это вы рождаетесь с умением с компьютером обращаться, а для меня это тяжело. Надо бы на пенсию уходить, да молодые не хотят в школу идти работать.

Она подошла к столу, и Родион увидел, что Виолетта Ивановна вся так растрогалась, что вытаскала из сумки аккуратно сложенный носовой платочек, чтобы вытереть набежавшие слёзы. Ребята быстро попрощались и пошли из класса, но тут произошло неожиданное.

– Оказывается для тебя обмануть пожилую учительницу ничего не значит? – у дверей стояла Василиса и печально смотрела на Родиона. – Вы это делаете просто так, развлекаетесь?! Нет ничего страшнее людей, которые так умеют притворяться.

Ничего не понимающий Роман попытался вставить слово, осознавая, что его план под угрозой:

– Но ты же не скажешь Виолетте? Ты нас не сдашь?

Василиса, ни на секунду не отводя взгляда от Родиона, ответила:

– Обратно исправешь, буду молчать.

И снова все её слова были обращены к Родиону, которого она уже стала считать другом:

– Ты же у нас дома с мелкими играл, со мной к маме в музей ходил... Что же ты за человек? Какой ты настоящий?! Меня от вас тошнит, – и она убежала вся в слезах.

У Родиона было ощущение, что это худший день в его жизни. Он вдруг почувствовал стыд, а ещё это жуткое чувство, когда не хочется выходить из дома, а ещё лучше поменять школу. Он ощутил – это позор.

Рому же интересовали совершенно практические вещи, и он сразу стал расспрашивать, что за музей, и что тот делал у Василисы дома.

Родион весь вечер просидел за уроками, так было легче не думать. А когда лёг спать, то её слова звучали и звучали в его голове не переставая. И, может быть, первый раз за всю жизнь он спросил себя: «А где я настоящий. С Ромкой или Василисой?!» Он встал, пошёл на кухню и сделал себе бутерброд, чтобы заглушить эти постоянно звучащие слова. В таком растерянном виде его застала мама. Она смотрела на несчастное лицо сына.

– Что случилось? Ты молчишь весь вечер. Что-то произошло?

– Мама, почему родители не знают своих детей? Вот ты знаешь, какой я настоящий?

– Есть такое качество – беспристрастность. Вот родители им редко обладают. Да и не должны, наверное. Мама любит своего ребёнка безусловной любовью, а любовь отца, говорят, нужно заслужить. Какая уж тут беспристрастность.

Всю следующую неделю Родион постоянно был в музее. Он помогал во всём: был аниматором, устроил городошные соревнования для первоклашек, даже помогал делать яблочный десерт маме Василисы, но ничего не помогало. Василиса словно не замечала его. Однажды на перемене подошёл Миша и передал рисунки от Степана и Семёна. На них вся семья гуляет по Венере, Марсу и Юпитеру. Впереди идут папа и мама, за ними Таня со старшим братом, следом Василиса и он, потом Полина и Миша, а замыкали шествие Стёпа и Сёма.

– Мелкие по тебе скучают. Видишь, они тебя семьей считают.

– Передай им, что я тоже скучаю.

Потом началось лето, и нужно было сдать в библиотеку книги. Он уже выходил из библиотеки, как увидел сидящих за столом Виолетту Ивановну и Василису. На столе были разложены учебники, и они что-то активно обсуждали. Родион решил пройти незаметно, но услышал голос учительницы.

– Родион, подождешь немного? Я буквально через десять минут освобожусь.

– Да, конечно, не торопитесь. Я буду в кабинете.

Он вышел, а удивлённая Василиса всё смотрела на закрытую дверь.

– Виолетта Ивановна, а вы с ним тоже дополнительно занимаетесь?

– Нет, наоборот. Это он со мной дополнительно занимается. Уже месяц, как занимается. Сам пришёл и предложил научить меня хорошо разбираться в компьютере. Вот мы с ним два раза в неделю занимаемся. Я благодаря ему пока ещё поработаю в школе. Хороший мальчик.

Родион выходил из школы, когда услышал знакомые крики:

– Привет!!! Мы за тобой. Идём гулять с нами. Василиса нам теперь опять разрешает с тобой гулять.

Стёпа и Сёма кричали наперебой, пока Полина висла на его руке. Миша стоял рядом с Василисой и не скрывал радостную улыбку.

– И куда мы пойдём гулять?

– На планету Kepler 452b, – закричали мелкие хором.

Василиса смотрела на Родиона опять пристально и по-доброму:

– Мальчики значительно продвинулись в изучении названий планет на Земле.

Родион был просто счастлив.

ЭПИЛОГ

Родион и Василиса уже подбегали к месту, где их ждал папа Родиона. Было видно, что он невероятно нервничает. Они просто вставили ему в руки цветы и потащили за собой. Со второго этажа на них смотрела мама Родиона, на руках которой уютно примостился аккуратный хныкающий сверток.

– Кто? – почти хором закричали папа и сын.

– Мальчик.

И тут Родион впервые увидел у папы блестящие глаза, от набежавших слёз.

– Мужик родился!